

«Я родом не из детства – из войны»

Я, Воронцова (Трантина) Галина Яковлевна, родилась 29.03.1932 г. в д. Андреевка Селеванского района Владимирской области в рабоче-крестьянской семье. Папа был рабочий строитель. Мама работала до замужества счетоводом, а когда вышла замуж, работала в колхозе на всех работах. Жили мои родители в деревне Андреевка. Там не было электрического света, но были керосиновые лампы. Телефон был только в сельском совете. В 1,5 км от нашей деревни находился посёлок Красная Горбатка, там был лесопильный завод,

бумажная фабрика, большая двухэтажная школа, районная больница, дом культуры и магазины.

В 1940 г. я пошла в школу, которая была расположена в нежилом доме.

Весть о войне быстро облетела всю страну. Женщины плакали, мужчины крепились и ждали повесток на войну. В нашу деревню повестки принесли на другой день после вести о войне. Провожать папу пошли всей семьёй: мама, грудной ребенок, который родился 5 июня 1941 года, я и братик, который на 3 года младше меня. Папа встал в строй и я долго искала его глазами среди множества мужчин. Вскоре подъехали грузовые машины, крытые зелёным брезентом под цвет травы. Я и мой брат, взявшись за руки, бежали вслед за папой, а он бежал в машину и вытирал слёзы. Мужчин повезли к поезду, а что было дальше, мы узнали из папиного письма. Время летело быстро, мама молилась перед иконой, просила Бога вернуть отца детям.

Первый год войны я училась во 2-ом классе. Училась хорошо, без замечаний и жалоб. После новогодних каникул в деревне была эпидемия вшей, а также брюшного тифа, от которого стали умирать люди. Так, в борьбе с вшами, мы доучились до летних каникул.

Во время летних каникул я занималась всеми домашними делами, потому что мама работала с утра и до вечера и приходила домой очень уставшая. Соли не было, сахара тоже не было, одеть было нечего, выживали за счёт картошки.

Этим же летом в нашей деревне остановился на три дня большой отряд Красноармейцев. Председатель разместил их по всем домам. В нашем доме жили военные начальники и их водитель. Они, так же как и мы, спали на соломе покрытой брезентом. Однажды водитель увидел как я шила малышу штанишки и попросил меня сшить им кисеты, согласовав предварительно этот вопрос со своим начальством. Он принёс мне готовый кисет и тряпки, из которых нужно было сшить. На следующий день я сшила много кисетов. Начальник сказал: «Теперь кисеты есть, а табака нет», и мама разрешила ему залезть на подставку и забрать все листья табака, который заготавливал наш папа. На четвёртый день все солдаты собрались в путь. Провожали их всей деревней. Водитель подарил мне две пачки заварки фруктового чая и я уже ощущала, какой он вкусный. В ответ я пообещала, что свяжу ему тёплые носки, а он пошутил: «Дождешься?», я ответила: «Дождусь». Он сказал, что будет мне писать, я была не против. Он прислал мне два письма, на которые я ему ответила. Больше писем не было. Наверное, его убили.

Через несколько дней после отбытия солдат, через нашу деревню ехал поезд, который вёз эвакуированных жителей Ленинграда. В нашей деревне с поезда вышло много людей, чтобы найти себе приют. К нам в дом зашла женщина с двумя детишками и попросила маму их не выгонять. Мама разрешила им остаться. Так они у нас жили всю войну. Дети этой женщины

учились вместе с нами в одной школе, а наши мамы жили мирно, как родные сёстры. У нас получилась большая семья, две мамы и пять детей.

Подошло время сажать картошку. Копать землю не было сил, попросили у председателя плуг. Женщины по трое или четверо запрягались в этот плуг, как лошади, и тянули его, а мы – дети шли по борозде и клали картофель. За ночь нам нужно было засадить три-четыре участка, а утром шли на работу. Ленинградцам выдавали карточки на хлеб, оказывали помощь: то по платью дадут, то по две банки тушёнки, а нам, деревенским, ничего.

Шел второй год войны, я стала учиться в третьем классе. Было холодно и голодно. Картофель не уродился, корова подавилась и ветеринар ничего не смог сделать. Он предложил её сдать на мясокомбинат. Забрали нашу корову, мама поехала с ними, ей дали немного денег, отдали кишки и голову, то, что им не нужно было. А мы это ели с удовольствием! На деньги, вырученные за корову, наши мамы купили козу. Коза мне казалась «чистым ангелом», всегда бежала мне навстречу, когда слышала мой голос, мы с ней очень подружились.

Рабочих рук в колхозе не хватало и стали применять детский труд. Все каникулы после третьего класса я работала. Нас разделили по бригадам, в моей бригаде было 20 человек. Мы собирали травы, сушили сено, а за это нас кормили пшеничным супом и варёной картошкой в мундире, хлеба не было.

После каникул мы вышли в школу, учились только тогда, когда дождь. В хорошую погоду нас отправляли на конный двор выбирать картошку из земли. У каждого был план – по одной борозде в день. Я и моя подруга Маша всегда были самыми первыми. А кушать так хотелось, что были готовы съесть сырую картофелину, но боялись, что заболят животы из-за грязи. Когда я рассказала маме об этом, она пришила к фартуку два кармашка: один из детской клеенки, чтобы класть мокрую тряпочку, а другой для сухой тряпочки. После этого мы с Машей протирали картошечку сначала мокрой тряпочкой, а затем сухой. Потом чистили ее зубами и ели наполовину. В те дни, когда мы ходили в школу, нас начали обучать военному делу – как разобрать и собрать винтовку. Выводили нас к красному мосту и учили стрелять: стоя, лёжа и с колена.

В пятом классе многие дети бросили учёбу уже на второй день, я была в их числе. Мы пошли работать на полный трудовой день, с восьми до четырнадцати часов, а учились с шести часов вечера до двенадцати часов ночи, домой приходили в час ночи.

Окончив 7 классов, стали с подружкой думать, куда поступать? Я хотела быть юристом или преподавателем немецкого языка, но воспоминания о раненом солдате изменили моё желание и я решила стать медицинским работником. Этот раненный солдат остался навсегда в моей памяти! Я встретила его в поезде, который останавливался в нашей деревне. Я тогда ходила по вагонам и искала своего отца. Подходила ко всем солдатам с одним и тем же вопросом: «А Вы не видели моего папу?» Они меня всегда спрашивали: «На кого он похож, девочка?» Я

стучала по грудной клетке и кричала: «На меня, дяденьки! На меня!». Они, раненые, смотрели на меня и улыбались. Один раненый солдат спросил меня, почему я худенькая такая, а я заплакала: «А у нас есть нечего!» Тогда он взял мою руку, засунул под подушку, а я достала оттуда свёрток. Потом я развернула его, а там оказались два больших куска сахара! Я сказала: «Два не возьму, возьму один, а то вам не останется!», и положила один обратно. Вагоны дёрнулись, поезд тронулся, я выпрыгнула и на ходу крикнула ему: «Спасибо!», и пообещала, что обязательно стану медицинским работником, буду помогать людям. Воспоминания об этом обещании подтолкнули меня поступить в фельдшерско-акушерскую 4-х годичную школу.

Папа с фронта вернулся очень больным человеком и мне хотелось ему хоть чем-то помочь, когда выучусь. Мама тоже часто болела, а им ещё нужно было поднимать сестрёнку, которую я «выпросила» у мамы. Я поступила в 1949 году в Ковровскую фельдшерско-акушерскую школу Министерства Здравоохранения по специальности «Фельдшер-акушерка», а окончила её в 1953 году. После окончания учёбы меня направили на 3 года на отработку в Стояновский медицинский пункт Тульской области. Назначили на должность заведующей. В 1956 году по семейным обстоятельствам была освобождена от занимаемой должности и принята на работу в Киреевскую больницу на должность медицинской сестры. В 1967 году, в связи с переменной места жительства мужа, была освобождена от занимаемой должности и принята на должность медицинской сестры Тольяттинской городской больницы №2. В 1969 году уволена по собственному желанию. До 21 января 1971 года работала фельдшером в селе. 25 января 1971 года была принята медицинской сестрой в поликлиническое отделение Тольяттинского кожно-венерологического диспансера. В 1974 году была освобождена от занимаемой должности в связи с переводом в кожный кабинет городской поликлиники №3 города Тольятти. В августе 1976 года была переведена на должность старшей медицинской сестры кожного отделения. 1 августа 1992 года уволена с занимаемой должности по собственному желанию. Рабочий стаж составляет 46 лет и 3 месяца со стажем в военные годы.

На данный момент мне, Воронцовой (Грантиной) Галине Яковлевне, 87 лет. Я – ветеран Великой Отечественной войны, труженик тыла, дитя войны федерального значения и ветеран труда федерального значения.